

ГАРМОНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ОБУЧАЮЩЕЙ ФУНКЦИЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ВСЕОБЩЕГО ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПОЛНОГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Всегда ли прав клиент?

Евгений Ямбург,
директор
Центра образова-
ния № 109
г. Москвы,
заслуженный учитель
школы РФ,
член-корреспондент
РАО,
доктор педагогичес-
ких наук

Взволнованная молодая женщина умоляет взять ребёнка в детский сад при Центре образования, который и без того переполнен. Мальчик уже посещает дошкольное учреждение неподалёку от дома, а к нам его придётся возить на машине чуть ли не через весь город. Но она готова терпеть эти неудобства, лишь бы только взяли. Что привело её в такое смятение и заставило броситься на поиски нового детского сада? Сбивчиво объясняет причины своей обеспокоенности.

В группе, которую посещает её ребёнок, двадцать пять человек. Двадцать из них приносят в сад японские электронные игрушки, в которые играют до самозабвения. У пятерых детей таких игрушек нет. Воспитательница, по всей вероятности, движимая идеями педагогической демократии, обращается к малышам с вопросом: «Что, дети, пойдём гулять или будем играть?» Двадцать человек в один голос кричат: «Играть!» Пятеро стремятся на улицу. Воспитательница с видимым удовольствием подчиняется требованиям «большинства», благополучно избегая при этом кропотливых обязанностей одеть перед прогулкой и раздеть после неё каждого ребёнка. Дети — и «большинство», и «меньшинство» остаются без игр на свежем воздухе.

Мелочь? Как посмотреть. Нет ничего проще, чем наказать нерадивую воспитательницу за грубое нарушение режима работы и отдыха дошкольников. Но в её действиях, пусть и в анекдотичной форме, просматривается тенденция, набирающая обороты в педагогической практике последних лет. Её можно обозначить как педагогический оппортунизм, суть которого формулируется в известном коммерческом правиле, перенесённом на почву образования: клиент всегда прав. Внешне всё выглядит безупречно. Школа призвана учитывать, в первую очередь, интересы детей и их родителей, что вполне естественно. В этом нет ничего унижительного. Тем более что долгие десятилетия она не за страх, а за совесть служила исключительно идеологии и государству, не слишком считаясь с разнообразными индивидуальными потребностями и стремлениями его подданных. Затем маятник качнулся в другую сторону, и школа стала постепенно превращаться в сегмент сферы обслуживания населения. И сам термин «образовательные услуги», и утвердившийся принцип финансирования, при котором «деньги следуют за учеником», не оставляют ни малейших сомнений по поводу дальнейшей трансформации системы образования в заданном направлении. Ориентация на потребителя — неотъемлемый закон рынка. Очевидно, что выпускникам школ предстоит жить и работать в жёсткой конкурентной среде, а потому наиболее предусмотрительные родители стремятся дать им надёжный первоначальный капитал: качественное образование. На повышение качества образования нацеливает и государство, утверждая устами своих высших чиновников, что зарплата учителя должна напрямую зависеть от качества его работы. И это утверждение в свою очередь звучит вполне убедительно, если, конечно, иметь в распоряжении гипотетического оценщика в лице чиновника или заинтересованного родителя чёткие критерии, позволяющие судить о качестве труда педагога. Но в том-то и дело, что таких **абсолютно объективных критериев не существует**. Слишком по-разному представляют себе многочисленные потребители образования тот конечный продукт, который они хотят получить на выходе из школы.

Кроме того, реальные учебные возможности и способности детей отличаются настолько существенно, что было бы наивно надеяться на достижение поголовного успеха в обучении всех и каждого. Отсюда родители успешных учеников стремятся к элитному образованию, способному обеспечить будущую успешную карьеру молодых людей. Те же папы и мамы, которым меньше повезло с отпрысками, требуют снизить планку требований школы, дабы ученики, испытывающие серьёзные трудности в обучении, не оказались на улице. И те, и другие клиенты по-своему правы.

В обывательском представлении, на основе которого сегодня зачастую и вырабатываются новейшие управленческие решения, установки, проблема оценки качества труда педагога зачастую решается просто: старым дедовским (советским) способом. Качество работы учителя определяется процентом учащихся, обучающихся на «4» и «5», а на выходе из школы — количеством баллов, набранных по результатам ЕГЭ. Разумеется, этот дискредитировавший себя ещё в годы советской власти подход, рождавший очковтирательство и многократно осмеянную процентоманию, старательно камуфлируется разговорами об учёте индивидуальных особенностей ребёнка, заботе о сохранении его здоровья и прочими гуманистическими пассажами, которые к отчётам не приложишь и комиссиям не представишь.

Тем временем **страна неуклонно возвращается к советскому обязательному всеобучу**. Закон об обязательном полном среднем образовании уже прошёл первое чтение в Государственной Думе РФ. А это означает, что **количественные и качественные показатели работы школы в целом и педагогов в частности вновь вступают в противоречие, более непримиримое, нежели в советскую эпоху**. В стране победившего социализма приписки были нормой всей жизни. Способ отчётности: «3» пишем — «2» в уме был характерен не только для школы. Фаль-

сификация статистики была единственным способом поддержать иллюзию благополучия и процветания. В результате тотальная ложь разъела основы государства, и оно рухнуло.

В новых условиях знания выпускников оценивают независимые комиссии с помощью тестов, этот же способ оценки качества знаний учащихся пока в порядке эксперимента начинает применяться на экзаменах в 9-м классе. В период прохождения школой аттестации контрольные срезы знаний делаются в 3-х, 5-х и 10-х классах. Присутствие педагогов при проведении проверочных работ не допускается, проверку проводят независимые эксперты. Всё это позволяет получить якобы объективную картину обученности школьников. На основе этих данных делаются надлежащие выводы о постановке учебно-воспитательного процесса в учебном заведении, о квалификации педагогов, которые в конечном счёте отражаются на финансировании школы и зарплате учителей.

Сердобольная учительница, которая возится с каждым «трудным подростком», делая всё возможное и невозможное (в том числе, завышая отметки), чтобы ребёнок не оказался за стенами школы, блестяще выполняет свою социальную функцию, сохраняя при этом контингент учащихся и укрепляя финансовое благополучие своего учреждения. (Деньги, как помним, сегодня «следуют за учеником».) С этих позиций педагог работает качественно. Но при первой же проверке она будет «выведена на чистую воду», поскольку её подопечные заведомо не смогут продемонстрировать приличные результаты обучения. **В который раз школа оказывается между молотом и наковальней поставленных перед ней двух взаимоисключающих задач: обязанностью обучать всех и при этом обеспечивать хорошее качество подготовки учеников.**

Повторяю, проблема не нова, но принципиально иными стали условия, в которых она решается. Рыночные

Закон об обязательном полном среднем образовании уже прошёл первое чтение в Государственной Думе РФ. А это означает, что количественные и качественные показатели работы школы в целом и педагогов в частности вновь вступают в противоречие, более непримиримое, нежели в советскую эпоху.

отношения бьют педагога рублём, грядущая диктатура закона грозит ему всяческими карами за малейшие отступления от его духа и буквы, вплоть до судебной ответственности, дамочным мечом нависают над учителем управляющие советы, которые призваны обеспечить непосредственное участие общественности в управлении школой. В таких условиях, когда невозможно избежать конфликта интересов, главным достоинством школы и каждого педагога становится умение искусно маневрировать, по возможности не обостряя отношений ни с проверяющими инстанциями, ни с родителями. Проверяющие, как известно, приходят и уходят, поскольку аттестация школы проходит раз в пять лет, выпускные экзамены — достаточно отдалённая перспектива для учителя, обучающего, к примеру, пятиклассников. За шесть последующих лет наверняка не раз сменится состав преподавателей, и отвечать за результаты ЕГЭ будет кто-то другой. А родители детей с их претензиями к школе постоянно рядом. Они с давних времён исповедуют принцип: нет плохих учеников, есть скверные учителя. Так стоит ли тратить силы на противоборство со способными, но нерадивыми учениками и их претенциозными «предками»? Легче наладить «сотрудничество», закрыв глаза на нерадивых учеников. Тем более что в промежутках между аттестационными проверками органы образования почти всегда занимают сторону клиентов. Негласное распоряжение не ставить «двоек» воспроизводит печально известную советскую практику. Необходимость «и невинность соблюсти, и капитал приобрести» заставляет учителя заискивать перед клиентами, в числе которых — капризные избалованные дети состоятельных родителей. Воспитательница детского сада, которая приняла сторону играющего японскими игрушками большинства, чутко уловила складывающуюся тенденцию.

Закон и благодать

У меня не вызывают сомнений благие намерения авторов Закона об обязательном всеобщем среднем образовании. Он отражает мировую тенденцию и опыт всех цивилизованных стран с развитой образовательной инфраструктурой. В целом он благодатен для населения. Но само по себе декларативное **введение закона без соответствующей модернизации образовательного и административного права, детальной предварительной проработки механизмов его реализации чревато наступлением на старые советские «грабли».**

Законодатели искренне убеждены в том, что не их дело заботиться о путях воплощения в жизнь принятых нормативных актов. Этим должны заниматься профессиональные управленцы образования. Но рыхлое, полное недомолвок и противоречий поле образовательного права не позволяет принимать внятные управленческие решения, ставит школу в двусмысленное положение. Начнём с того, что **Закон об обязательном среднем обра-**

зовании противоречит Конституции РФ, которая закрепляет обязательность только девятилетнего образования.

Конституцию, как известно, никто менять не собирается. Следовательно, те учащиеся, которые в силу разных причин не собираются продолжать обучение в десятом классе, имеют полное право руководствоваться Основным законом страны. Эта правовая коллизия автоматически снимает вопрос об ответственности родителей за выполнение нового закона, потому что, во-первых, для этого надо немедленно вносить изменения в Административный кодекс, предусматривая меры воздействия на родителей, чьи дети уклоняются от получения обязательного среднего образования. До этого у законодателей едва ли дойдут руки. Но даже если такие изменения и будут внесены, **любой суд вправе признать их неконституционными.** С клиентами государство сосориться не станет. Другое дело — учреждение образования, в полной мере находящееся под юрисдикцией принятого закона. С него спросят без скидок на Конституцию. **Так школа в очередной раз попадает в законодательные «ножницы».** Заведомо лишённая инструментов влияния на учащихся (права выставить отрицательные отметки) и на их родителей (принимать к ним меры административного воздействия), она может только убеждать нерадивых учащихся в необходимости получать полное среднее образование.

Похоже, что авторы поправок к закону сами слабо верят в эффективность такого добровольно-принудительного способа навязывать населению услугу (полное среднее образование), которая в одночасье **превращается из права в обязанность.** Отсюда появляются экзотические предложения: условно переводить учеников, имеющих одну «двойку», в следующий класс, увеличить срок обучения в школе вплоть до исполнения учащимся двадцати лет. Это призрачный расчёт на то, что половозрелые молодые люди, продолжающие обучаться вместе

с малыми детьми, рано или поздно возьмутся за учёбу и, находясь в трезвом уме, здравой памяти, а возможно, и в законном браке, (а что, имеют право!), наконец, получают полное среднее образование.

С другой стороны, назвать полное среднее образование «навязанной услугой» — значит сильно погрешить против истины. Большинство родителей она востребованна. Кто же из них не хочет добра своему чаду, по возможности оттягивая время его выхода в жёсткую конкурентную среду? Как навязанная, эта услуга воспринимается лишь при нежелании родителей разделить наравне со школой ответственность за судьбы собственных детей.

«Не проявляет интереса к учёбе, пропускает занятия. А что я могу сделать?» — старая, как мир, родительская реакция на претензии педагогов. И действительно: если недоросль, выражаясь языком молодёжного сленга, «забил на учёбу», родители бессильны. На требования школы они отвечают встречными претензиями. «Вы обязаны заинтересовать моего ребёнка», — решительно заявил мне недавно маститый психолог (!) чей рано созревший сын предпочитает учёбе вольное времяпрепровождение с друзьями в коттедже родителей. Там к его услугам бар, наполненный холодильником, стереосистема и прочие атрибуты «красивой жизни», отвечающие рекламному призыву «возьми от жизни всё». И этого «клиента» школа должна ублажать в соответствии с поправками к закону до двадцати лет?..

«Мы бы рады повышать его мотивацию к учёбе, но посоветуйте, как сделать это, если ваш сын неделями не появляется на занятиях? Быть может, для начала стоит, не боясь травмировать тонкую детскую психику, забрать у него ключи от вашей загородной резиденции?» К чести профессионального психолога, отец подростка в итоге согласился с тем, что бесцельное, праздное существование развращает не только сына, но и его ближайшее окружение. А согла-

сившись, забрал подростка из школы, устроив его в одну из своих фирм с жёстким режимом работы.

Но такое решение проблемы сегодня скорее исключение, нежели правило. Во-первых, не каждый родитель обладает должной психологической квалификацией, чтобы, преодолев слепую любовь, трезво оценить последствия лишённого всякого смысла формального пребывания своего ребёнка в школе. Во-вторых, не так-то просто сегодня найти место работы для шестнадцатилетнего подростка. И наконец, налицо нарушение Закона об обязательном полном среднем образовании. (В Москве он уже вступил в силу.) Положение спасает лишь то, что, определив парня на работу, отец параллельно устроил его в экстернат. В большинстве подобных случаев между учреждением образования и родителями возникают длительные и малоперспективные препирательства со взаимными обвинениями.

Пути гармонизации социальной и обучающей функций школы в условиях всеобщего обязательного полного среднего образования

Изменение критериев оценки качества труда педагогов

Как мы могли убедиться, количественные и качественные показатели работы школы спорят друг с другом. Поэтому необходимо искать оптимальный выход из создавшейся ситуации. Точнее, выходы, ибо одного волшебного способа преодолеть обостряющиеся противоречия не существует. Рискну высказать в порядке обсуждения некоторые предложения. Начну с критериев оценки качества труда учителя.

Критерием оценки качества работы учителя могут служить:

1. Соответствие текущих и итоговых оценок ученика результатам независимого тестирования. При таком подходе повысится объективность выставления отметок. С одной стороны, отпадёт необходимость приукрашивать реальную картину успеваемости, а с другой — ученик в большей мере будет защищён от субъективизма учителя, **нередко оценка ученика отражает не его реальные знания, а отношение к нему педагога.**

2. Дополнительным критерием оценки качества труда педагога и защитой интересов ребёнка является учёт динамики освоения учащимся учебного материала. К примеру, в начале учебного года ученик делал тридцать ошибок в диктанте. К концу года количество ошибок сократилось до десяти. Налицо явный прогресс в его развитии, который, безусловно, свидетельствует о результативности труда учителя.

3. Оценка качества труда педагога в соотношении с реальными учебными возможностями ребёнка и состоянием его здоровья. Очевидно, что не все ученики в равной степени обучаемы. Среди них немало детей с проблемами: дислексией, дисграфией, дискалькулией, лёгкими задержками в развитии,

с синдромом дефицита внимания и т.п. Замечу: **во всех перечисленных случаях речь идёт о детях с сохранным интеллектом, подлежащих обучению в массовой школе**, но в силу ряда причин медицинского и психологического свойства имеющих серьёзные затруднения в обучении. Совокупные усилия педагогов, психологов и дефектологов позволяют поддерживать положительную динамику их развития, но, как правило, такие дети не демонстрируют высоких результатов успеваемости. Недоразвитие высших психических функций, постоянно требующее специальной коррекции, порой не позволяет достигать стандартов образования даже на нижнем уровне. Сравнить такого ребёнка с соседом по парте бессмысленно. Для него десять ошибок в диктанте в конце учебного года после тридцати в начале обучения — высочайшее достижение. В промежутке — скрупулёзный труд учителя, применявшего изощрённые педагогические технологии, давшие этот скромный, с точки зрения общепринятых оценок, но выдающийся для данного ребёнка результат, не оценить который, не побоюсь этого слова, преступно, по отношению и к ребёнку, и к педагогу. **Формальный подход к оценке их совокупного труда подорвёт энтузиазм учителя и веру ребёнка в собственные силы, а в итоге под лобным благовидным предлогом выбросит ученика из школы.**

4. Сохранение контингента учащихся также служит критерием результативности работы учителя. Но это иной социально значимый результат деятельности педагога, он, как неоднократно отмечалось выше, может и не совпадать с успехами ребёнка в обучении. Что с того? Социализация растущего человека не менее важна, нежели достижение высоких результатов при сдаче ЕГЭ. Так воздадим должное гуманизму и профессионализму педагога, который добросовестно работает с заведомо невыигрышным контингентом учащихся.

Названные критерии служат, прежде всего, гармонизации социальной и обучающей функций школы. Их перечень нельзя признать полным, поскольку ими не исчерпывается всё многообразие педагогической реальности. Например, в элитных школах или классах, где обучаются, мотивированные на учёбу дети, их победы в международных и республиканских олимпиадах по предметам, безусловно, являются критериями качественной работы педагогов. Там социальная функция школы ретушируется, отступает на второй план. Вывод очевиден: **к оценке качества работы школы в целом и педагогов в частности нельзя подходить с набором одинаковых, стандартных, формализованных критериев.** Напряжение в сети не измеряется с помощью термометра. Инструменты оценки деятельности педагогов должны быть адекватны конкретному контингенту учащихся и тем приоритетным задачам, которые, в силу сложившихся обстоятельств, решает каждая конкретная школа. В одних случаях на первый план выходят социальные задачи, в других — обучающие. Достижение их динамичного равновесия — сверхзадача любого учреждения образования, но удельный вес каждой задачи

определяется не самой школой, за исключением элитных учебных заведений, отбирающих себе учеников, а реалиями жизни.

Почему, рассматривая пути гармонизации обучающей и социальной функции школы в условиях всеобщего обязательного полного среднего образования, во главу угла я ставлю именно оценку качества труда учителя, а не другие необходимые условия, без которых невозможно на деле реализовать новый закон? Например, совершенствование педагогических технологий, модернизацию системы профессионального образования, реанимацию вечерних школ и т.п. Есть несколько объективных и субъективных причин, которые выдвигают оценку качества труда педагога в разряд первоочередных:

1. Потребуется годы, чтобы воссоздать систему профобразования с учреждениями, оснащёнными современным новейшим оборудованием, которые станут притягательными для родителей и их детей, не собирающихся поступать в вузы. А Закон об обязательном полном среднем образовании вступает в силу немедленно. Следовательно, подавляющее большинство учащихся воспользуются преимущественно только одним каналом завершения среднего образования: школой.

2. Какие бы изощрённые технологии обучения ни применялись, они не являются панацеей, не гарантируют успешного освоения достаточно сложного содержания среднего образования на завершающей стадии обучения тем детям, кто с грехом пополам освоил девятилетний курс. Безусловно, с помощью эффективных технологий можно добиться положительной динамики в обучении ученика, в его личностном росте. Но, как уже было сказано, оцениваются-то не процессуальные показатели, свидетельствующие о динамике развития подростка, а конечный результат обучения. Так стоит ли стараться педагогу, тратить уйму сил и времени

на совершенствование методов и форм учебной деятельности, коль скоро его тонкая филигранная работа не подлежит оценке, не учитывается при его аттестации, никак не влияет на его зарплату? Проще поставить «тройку», и дело с концом. Но такая «простота» чревата колоссальными моральными издержками, которые можно отнести к тем факторам, которые, как ржавчина, разъедают несущие конструкции образования.

3. Необходимость идти на постоянные сделки с совестью неизбежно разрушает личность самого учителя, приводит к потере им профессиональной идентичности. В итоге наиболее достойные учителя покидают школу, вынужденно уступая поле педагогической деятельности коллегам, не столь обременённым моральными принципами. Это немедленно сказывается на нравственном климате школы в целом, а в результате неотвратимо снижает качество как обучения, так и воспитания.

Надеюсь, сказанного достаточно, чтобы прийти к выводу: **изменение критериев оценки качества труда педагога — ключевое звено в гармонизации социальной и обучающей функций школы в условиях всеобщего обязательного полного среднего образования.** Однако, ухватившись за это звено, стоит пройти по всей цепочке.

Качественный контроль за учебно-воспитательным процессом

Очевидно, что изменение критериев оценки деятельности педагогов неизбежно повлечёт за собой трансформацию такой важной функции управления, как контроль. Суть её — переход от формальной фиксации успеваемости учащихся к качественному анализу динамики их развития на основе стартового, рубежного и итогового контроля, а также учёта медико-психологических данных, получаемых в результате мониторинга здоровья. Здесь нет ничего нового и необычного.

Многие школы, где неформально относятся к детям, давно работают в этом ключе.

Проблема в том, что деятельность школ вышестоящие инстанции оценивают исключительно на основании сводок успеваемости учащихся. Так, количественный анализ задаётся сверху, а качественный, требующий дополнительных сил и времени, являясь необязательным, продолжает оставаться частным делом учреждений образования. Управленцев муниципального уровня можно понять. Изменение критериев оценки деятельности педагогов и школы в целом **неимоверно усложняет процедуру контроля**, лишает управленца возможности воспользоваться таким простым, ясным и привычным универсальным инструментом, как итоговая отметка ученика. Кроме того, не будем забывать, что перевод учащихся в следующий класс осуществляется на основании итоговой успеваемости. Такой порядок регламентируется нормативными актами и инструкциями, нарушать которые никто не вправе. **Несовершенство такого перевода ощущают даже законодатели**, далёкие от реалий школьной жизни. Появляются предложения переводить учащихся в следующий класс условно с одной «двойкой».

Нельзя сказать, что отметка никак не отражает реальной картины успехов ученика. Отказ от неё был бы ошибкой, поскольку, помимо фиксации положения дел, она выполняет ещё одну важную функцию: продолжает оставаться одним из инструментов стимулирования познавательной деятельности детей и подростков, побуждая многих из них добросовестно относиться к учёбе. Однако при использовании отметки как единственного критерия оценки деятельности ученика и учителя «за кадром» остаются **причины неуспешности большого количества детей.** Но, как уже отмечалось, далеко не всё зависит от учителя.

Могут возразить: разбираться с причинами неуспешности таких учащихся — задача конкретной школы, а на муниципальном уровне достаточно фиксировать итоги успеваемости. Отчасти такую точку зрения можно признать справедливой, ибо работа с каждым ребёнком лежит на школе, муниципальный же уровень управления призван создавать для этого необходимые условия.

Но в данном случае именно об условиях и идёт речь: рассмотрение органами образования наряду с итогами успеваемости процессуальных показателей, отражающих динамику развития учащихся, их стартовый, рубежный и итоговый уровень обученности — важнейшее управленческое условие, стимулирующее качественную индивидуальную работу с каждым учеником. Строго говоря, этот инструмент управления качеством обучения применим к любой школе, как к элитной, так и решающей в первую очередь задачи социализации. Так давайте переходить к нему и **на первых порах использовать хотя бы при оценке деятельности школ, работающих со сложным, трудно обучаемым контингентом детей.** При этом следует предупредить педагогические коллективы о том, что именно на основании

данных, отражающих динамику обучения детей, будут делать выводы о качестве работы педагогического коллектива в том случае, если итоги успеваемости невысоки. Тогда отпадёт **опасная необходимость приукрашивать реальное положение дел, исчезнет административный страх**, парализующий волю учителей и толкающий их на сделку с совестью.

Порядок перевода учащихся в следующий класс

Необходимость изменить порядок перевода учащихся в следующий класс осознают авторы поправок к Федеральному закону «Об образовании». Поэтому в проект изменений закона вносятся такие поправки: «Обучающиеся на ступенях начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования, имеющие по итогам учебного года академическую задолженность по одному предмету, переводятся в следующий класс условно. Обучающиеся обязаны ликвидировать академическую задолженность в течение следующего учебного года, а образовательные учреждения — создать условия обучающимся для ликвидации задолженности и обеспечить контроль за своевременностью её ликвидации.

Обучающиеся на ступени начального общего и основного общего образования, не освоившие программу учебного года и имеющие академическую задолженность по двум и более предметам или условно переведённые в следующий класс и не ликвидировавшие академическую задолженность по одному предмету, по усмотрению родителей (законных представителей) оставляются на повторное обучение, переводятся в классы компенсирующего обучения с меньшим числом обучающихся на одного педагогического работника образовательного учреждения или продолжают получать образование в иных формах.

Обучающиеся на ступени среднего (полного) общего образования, не освоившие программу учебного года и имеющие академическую задолженность по двум и более предметам и условно переведённые в следующий класс и не ликвидировавшие академическую задолженность по одному предмету, по усмотрению родителей (законных представителей), а по достижении возраста восемнадцати лет — по собственному усмотрению могут продолжать образование в иных формах или остаться на повторное обучение в данном образовательном учреждении...

Возраст обучающихся, которые могут получить среднее (полное) образование в общеобразовательных учреждениях по очной форме, увеличен до 20 лет».

Любопытная подробность: предельная возрастная планка очной формы получения полного среднего образования регламентируется лишь Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе». Там, в соответствии со статьёй 24, право отсрочки от призыва на военную службу предоставляется лишь до 20 лет. Легко предположить, что, если «ребёнок» по состоянию здоровья освобождён от службы в армии, он мо-

жет на вполне законных основаниях продолжать обучение в средней школе хоть до сорока лет.

Ситуация не столь анекдотична, какой представляется на первый взгляд. Заявила же недавно мама одного из старшеклассников: «Оставляйте хоть на третий год. Нам важно, чтобы он вырос под присмотром. У нас своя фирма, которую мы ему со временем передадим. А пока пусть посидит в школе». Своя житейская логика у этой мамы есть. Непонятно лишь, почему инкубационный период передержки в школе её отпрыска должно оплачивать государство. **Так проблема перевода учащихся в следующий класс, в первую очередь в старшей школе, оборачивается экономической и нравственной сторонами. Но и этим не исчерпываются её грани.**

В самом деле, что фиксирует в школе перевод учащегося в следующий класс? В первую очередь, усвоение учебного материала как результат добросовестного отношения к ученическому труду. В редких случаях повторное обучение является следствием пропуска ребёнком большого количества занятий в связи с длительной болезнью. По большей части второгодничество испокон веку рассматривалось как наказание за ученическую халтуру. Наказание, даже справедливое, всегда сопряжено с унижением человеческого достоинства. Второгодник в школе — фигура одиозная, вызывающая плохо скрываемую брезгливость учителей, иронию одноклассников и ответную агрессию со стороны второгодника. Эти «штрихи к портрету» создают не самый лучший психологический фон для повышения у него интереса к учёбе, не стимулируют его ликвидировать академическую задолженность. За редким исключением, институт второгодничества не приводит к ожидаемым результатам. Чаще всего, махнув рукой на безнадежного ученика, бессмысленно просидевшего второй год, его переводят в следующий класс. Не держать же его до бесконечности в «коротких штанишках».

Так имеет ли смысл сохранять институт второгодничества? И да, и нет.

Всё зависит от причин, которые привели к неуспеваемости учебного материала, и от ступени обучения. Сегодня мы ясно видим, что существует немалая часть детей, имеющих серьёзные проблемы в развитии. Академическая задолженность — не их вина, а их беда. Краткосрочная память, дефицит внимания, задержки в развитии — все эти и другие подобные характеристики требуют специальной работы с ребёнком, которую можно осуществить лишь в классах компенсирующего обучения с меньшим числом обучающихся на одного педагога, владеющего специальными приёмами и методами обучения. К примеру, призывать ребёнка с синдромом «дефицита внимания» быть внимательным — это всё равно что говорить слепому: «присмотрись внимательно». Оставлять такого ученика на второй год в большом классе без специальной помощи бессмысленно. В поправках к Закону РФ «Об образовании» предусматривается возможность переводить таких детей в классы компенсирующего обучения. Но на пути разумного решения вопроса встают две проблемы: финансовая и психологическая.

В связи с переходом школ на подушевое финансирование, классы компенсирующего обучения практически сходят на нет. Малое число обучающихся там детей делает их экономически невыгодными. **В который раз мы пытаемся «экономить на спичках», забывая о том, что выброшенные из системы образования подростки представляют серьёзную социальную угрозу, поскольку легко рекрутируются криминальной средой и экстремистскими организациями.**

Вторая проблема коренится в менталитете родителей. Перевод в классы компенсирующего обучения, там, где они ещё сохранились, возможен лишь с согласия родителей или лиц, их заменяющих, что, безусловно, отвечает де-

мократическим нормам. Но зачастую родителям очень трудно смириться с мыслью о том, что у их ребёнка что-то не в порядке с развитием. Всеми правдами и неправдами они стремятся сохранить его в обычном классе в надежде, что проблемы как-нибудь рассосутся сами собой. При этом обычно ссылаются на опыт цивилизованных стран, где даже дети, имеющие серьёзные патологии, обучаются вместе со здоровыми сохранными учениками. Гуманистически плюсы такого интегративного обучения очевидны. Но здесь, как это часто бывает, важны подробности, ведомые только профессионалам. К примеру, гиперактивные дети с синдромом «дефицита внимания» в США, Германии и Израиле обучаются вместе со всеми в больших классах, но там таким детям дают специальные стимуляторы, запрещённые к применению в России. Мы же хотим учить их в больших классах, но без применения таблеток. Дёшево и сердито. И даже жестоко, поскольку такой «гуманистический» подход греет душу лишь до тех пор, пока в припадке внезапной ярости гиперактивный ребёнок не нанесёт увечья соседу по парте. Почувствовать внезапную смену настроения у такого ребёнка и проконтролировать его поведение в большом классе невозможно. Следовательно, перевод в класс компенсирующего обучения сегодня для многих детей — единственная возможность относительно безболезненно продвигаться до определённых пределов по ступеням образования. Да, перевод в такой класс должен осуществляться с согласия родителей, но они должны знать, что альтернатива этому классу — второгодничество. Право выбора остаётся за ними, но, как правило, перспектива повторного обучения несколько отрезвляет родителей, заставляет их более реалистично отнестись к собственному ребёнку, побуждает вступать в диалог со специалистами, предлагающими оптимальное решение проблем ученика.

Теперь рассмотрим принципиально иную ситуацию. Сохранный, не имеющий серьёзных проблем в развитии, но ленивый, педагогически запущенный ребёнок, не выполняющий элементарных требований школы. Нет никаких явных медицинских и психологических оснований для его перевода в класс компенсирующего обучения. Повторное обучение для такого ученика — суровая, но необходимая мера привести его в чувство. По логике вещей, так и нужно поступать, если бы не три обстоятельства.

Во-первых, как уже говорилось выше, второгодничество редко даёт ощутимые результаты в обучении, но провоцирует агрессию и антисоциальное поведение.

Во-вторых, педагогическая запущенность — это сложный симптомокомплекс, где подчас бывает трудно развести медицинские, психологические и социальные причины, приводящие к низкому уровню обученности ребёнка.

И наконец, существует немало детей с избирательными способностями: например, у ребёнка низкий порог обучения

математике, выше которого он едва ли поднимется при относительно стабильных результатах по остальным предметам. Как известно, школьная математика — это два предмета: алгебра и геометрия. Неусвоение математики тянет за собой провалы в изучении физики. Ученик имеет академическую задолженность уже по трём предметам, что делает невозможным даже его условный перевод в следующий класс. При тонкой диагностике, для проведения которой в обычной школе нет ни средств, ни специалистов, выясняется: причина неуспеваемости по предметам математического цикла заключается в том, что у ребёнка с рождения нарушено пространственное мышление. Во всём остальном это вполне сохранный, полноценный мальчик. Оставлять такого ученика на второй год из-за трёх предметов бессмысленно. Успешнее в их изучении он не станет.

В той или иной мере частные проблемы таких учеников как-то решаются. Всё зависит от мудрости педагогов, их квалификации и доброй воли, проявляемой в стремлении помочь ребёнку. Часто учителя «берут грех на душу» и в конечном итоге ставят ученику «тройку».

Между тем гуманизм отдельных педагогов, осознающих, что не все дети рождаются с одинаковыми способностями, не беспредельно. Он ограничен формальной процедурой перевода учащихся в следующий класс. Разрешение, заложенное в поправках к закону, допускающее условный перевод в следующий класс при наличии одной или двух «двоек», не снимает проблему. Особенно жёстко эти ограничения действуют на этапах окончания основной школы и при проведении итоговой аттестации на выходе из одиннадцатого класса.

Риску высказать несколько предложений о том, как изменить порядок перевода учащихся в следующий класс. Наряду с изменением критериев оценки деятельности учителей эти предложения могут способствовать гармонизации социальной и обучающей функций школы.

1. Порядок перевода учащихся в следующий класс не может быть одинаков в начальной, основной и старшей школе.

2. В начальной и основной школе, где в ряде случаев повторное обучение оправданно и целесообразно, его следует сохранить. Но предоставить педагогическим советам право принимать решение об оставлении учащегося на второй год или о переводе его в класс компенсирующего обучения не только на основании академической успеваемости (количества полученных «двоек»), но и с учётом индивидуальных особенностей ребёнка, выявленных медико-психологической службой образовательного учреждения. Одно дело, когда, в силу объективных причин медико-психологического свойства, ребёнок имеет низкий порог обучения, но при этом проявляет максимальное старание: посещает дополнительные занятия, получает индивидуальные консультации, и совсем другое дело,

когда сохранный, способный от природы ученик не прикладывает никаких усилий для освоения программного материала. Во втором случае **повторное обучение становится оправданной дисциплинарной мерой**, приводящей его в чувство. На наш взгляд, **эта мера была бы гораздо более эффективной при введении платного повторного обучения.** Разумеется, платность второго года обучения не должна касаться малоимущих семей.

3. Требуется изменения и процедура аттестации учащихся при завершении основного среднего образования. Ныне выпускные экзамены после окончания девятого класса проходят по традиционной схеме. Но не за горами то время, когда будет введён так называемый малый ЕГЭ при выпуске учащихся из девятого класса. Он может стать непреодолимым препятствием для получения неполного среднего образования для учащихся, имеющих проблемы в развитии. Очевидно, что при любой форме экзамена для учащихся классов компенсирующего обучения следует иметь особый комплект контрольно-измерительных материалов, ориентированных на реальные учебные возможности этих детей. Нет никакого смысла оставлять их на повторное обучение в девятом классе. Получив документ о неполном среднем образовании, они могут продолжить своё обучение в профессиональных училищах.

4. В старшей школе, продолжение обучения в которой является результатом осознанного выбора ученика и его родителей, повторное обучение теряет всякий смысл. Часто бывает так, что ученик с грехом пополам освоил программу за девять классов. Он и его родители в глубине души понимают, что в старшей школе он не справится с учебным материалом. Тем не менее, исходя из житейских соображений: «А куда его деть? Пусть ещё пару лет побудет под присмотром» и т.п., они решают воспользоваться своим конституционным правом. Единицы из учеников, не имеющих необходимой базы, способны

напрячься и сделать рывок на финишной прямой среднего образования. Остальные по большей части имитируют участие в учебном процессе. И это ещё не самый худший вариант. Что толку сидеть на занятиях, если там идёт речь о мало понятных для тебя вещах? Начинаются прогулы уроков, вызовы родителей в школу, бессмысленные разговоры, наполненные взаимными упрёками и претензиями.

В этом изматывающем поединке инициатива попеременно переходит к противоположающимся сторонам. Если школа совершила ошибку (не выдержали нервы у учителя, он сорвался и оскорбил нерадивого ученика или классный руководитель своевременно не поставил в известность родителей о прогулах их ребёнка), у родителей появляется возможность обратиться с жалобой в органы образования. Руководствуясь уже известной нам логикой «клиент всегда прав», они скорее всего «выкрутят руки» школе и вынудят учителей поставить их «Митрофанушке» положительные оценки.

Но и в том случае, когда школа вела себя безупречно и родителям не за что зацепиться, они не внакладе. «Да что вы так нервничаете, — заявил мне недавно папа-бизнесмен, — ну, не учится, пропускает занятия. Ни вы, ни мы ситуацию не изменим. Оставляйте на второй год. Нам это выгодно». Но выгодно ли это государству? Какой нравственный урок получит его сын от гарантированного государством трёхлетнего безделья?

Отец подростка откровенно рассматривает школу как конюшню, куда временно помещают молодых лошадей на передержку. Но в коневодстве эта услуга стоит немалых денег, а в школе — всё бесплатно.

Вывод очевиден: **условный перевод учащихся из 10-го в 11-й класс может осуществляться вне зависимости от количества полученных «двоек».** На завершающем году обучения в старшей школе ученику предоставляется возможность ликвидировать академическую задолженность. Учащиеся, не вос-

пользовавшиеся этой возможностью, не освоившие образовательную программу по ряду предметов, получают итоговый документ (аттестат или справку), фиксирующий их реальную успеваемость. Таким образом, фактически от трёхбалльной системы оценки успеваемости, перестав лукавить, мы переходим к полноценной пятибалльной шкале отметок. Спорный вопрос: допускать ли таких учеников к сдаче ЕГЭ? Здесь возможны варианты.

Вариант первый: ученик имеет академическую задолженность по подавляющему большинству предметов. Не вызывает сомнения, что он теряет право выходить на итоговую аттестацию. Вместе с этим правом теряет и перспективу поступать в высшие учебные заведения, даже в те, где обучение ведётся на платной основе.

Вариант второй: ученик к окончанию школы имеет академическую задолженность по ряду предметов. К примеру, старательный, но мало способный к математике и физике молодой человек. Я бы не возражал против того, чтобы дать такому ученику ещё один шанс получить документ, позволяющий продолжить образование в высшей школе. В случае неудачи на экзамене по ЕГЭ он лишь подтвердит объективность выставленных ему педагогами текущих оценок. **При благоприятном исходе экзамена у школы появляется необходимость задуматься над проблемой объективности оценок.** Но уже не в сторону вынужденного завышения, о чём говорилось выше, а в сторону занижения. Так ЕГЭ из инструмента устрашения выпускников превращается в средство их защиты от своеволия и субъективизма учителей.

Подведу некоторые предварительные итоги: **промежуточная и итоговая аттестация учащихся, их перевод из класса в класс на различных ступенях обучения — все эти процедуры требуют максимальной гибкости, учёта индивидуальных особенностей каждого растущего человека.** Сегодня, определяя судьбу ребёнка, грамотные и добросердечные педагоги в той или иной степени стараются принимать во внимание не только академическую успеваемость ученика, но и другие, не менее важные привходящие обстоятельства. Но их свобода в принятии судьбоносных для ученика решений ограничена жёсткими формализованными рамками. Их расширение позволит, на наш взгляд, сделать серьёзный шаг на пути гармонизации социальной и обучающей функций школы. В свою очередь, более гибкий порядок перевода учащихся в следующий класс неизбежно приведёт к повышению роли педагогических советов и к изменению их функций.

Изменение функций педагогических советов

Человек, не понаслышке знакомый с реалиями школьной жизни, отдаёт себе отчёт в том, что даже в самой, что ни на есть гуманистической школе итоговые педсоветы сегодня неизбежно

носят формальный характер. Классные руководители отчитываются по журналам об успеваемости своих подопечных. На основании их сведений принимаются решения о допуске учащихся к экзаменам, их переводе в следующий класс или повторном обучении. Строго говоря, никакой это не педсовет (на нём никто ни с кем не советуется), а **сбор голых статистических данных и их итоговое протоколирование**. Иного не дано, поскольку, как уже неоднократно говорилось выше, **возможности манёвра педагогического коллектива при переводе учащихся из класса в класс жёстко ограничены**.

Между тем за последние десятилетия в школах России накоплен достаточный опыт педагогических консилиумов, оправдала себя практика педагогических советов в подлинном смысле этого слова, на которых идёт поиск оптимальных для конкретного ребёнка путей обучения и развития. Медики и психологи принимают в них полноправное участие. Но такое неформальное обсуждение характерно лишь для педсоветов, проходящих в течение учебного года. Рамка же итоговых педсоветов задана сверху, поскольку на основании их решений в вышестоящие инстанции подаётся итоговая сводка успеваемости по школе. Она, в конечном счёте, сегодня и служит показателем качества работы педагогического коллектива.

При нормативно закреплённой более гибкой процедуре перевода учащихся из класса в класс меняются функции итоговых педагогических советов. Они будут выполнять следующие функции:

- диагностическую, предполагающую не только анализ учебной деятельности ребёнка, но и учёт степени созревания его психических функций, особенностей развития и состояния здоровья,

обстановки в семье и других факторов, влияющих на усвоение учебного материала, полученных в ходе изучения личности ученика;

- прогностическую, включающую обсуждение разных сценариев продвижения ребёнка по ступеням обучения, взвешивание всех «за» и «против» перед принятием окончательного решения о судьбе ученика;

- постановляющую функцию, выносящую окончательный вердикт, обязательный для исполнения. Эта функция наиболее ответственна. Во избежание субъективизма с учётом тенденции к развитию государственно-общественного управления учреждениями образования, имело бы смысл включить в педагогический совет представителей родительской общественности с правом голоса при принятии окончательных решений.

Завершая разговор о гармонизации социальной и обучающей функций школы, отмечу, что переход ко всеобщему обязательному полному среднему образованию требует системного подхода и не может быть решён только силами школы. **Он влечёт за собой изменения в Административном и Семейном кодексах, требует совершенствования всей инфраструктуры образования, способной обеспечить возможность получения среднего образования всем без исключения гражданам и за рамками школы.** Но по нашей неизбывной традиции **сначала принимается закон, и лишь затем для его реализации начинают**

создавать необходимые условия. Поэтому, осозна-

вая реальное положение дел, выдвигаем предложения, способные на первых порах смягчить неизбежные противоречия, с которыми столкнётся школа на следующий же день после принятия поправок к закону. **НО**

